

Роальд МАНДЕЛЬШТАМ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Роальд Мандельштам

Собрание стихотворений

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19224014

Собрание стихотворений: Иван Лимбах; Санкт-Петербург; 2006

ISBN 5-89059-083-9

Аннотация

Настоящее издание – самое полное на сегодня собрание произведений Роальда Мандельштама (1932–1961), легендарного поэта, замечательного представителя героического периода ленинградской неподцензурной словесности. Несмотря на высочайшую оценку его творчества историками литературы, он до сих пор находится в тени своего великого однофамильца. Издание сопровождается аналитическими статьями и подробными примечаниями.

Содержание

Песни о листопаде	13
Ночь листопада	13
Новая Голландия	15
Новая Голландия	16
Город-рыболов (Этюд)	18
Баллада о топорах	19
Мостик с грифами. Бенвенуто Челлини	21
Банковский мост (Вариант)	22
Буриме	24
Ночь листопада	25
Ночь листопада	26
Осень	29
Вор	31
Диалог	34
Осень	35
Лунные зайцы	37
Маскарад («Каприччио» Дворжака)	37
Голос в темноте	38
Заклинание ветра	39
Лунные зайцы	41
Вишнёвая метель	43
Тихая песня	48
Колыбельная	51

Тени	52
Вечерница	54
Качания фонарей	54
Продавец лимонов	55
Nocturno (Воет Собака)	56
Вечерница	59
Диалог (sonetto)	62
Nocturno i	64
Гостиный двор	66
Визит к любимой в ночь листопада	75
Вечер	77
Песни ночного города	80
Ноктюрн	80
Ноктюрн	83
Колокольная ночь	86
Возлюбленной ночи	89
Pasacalle	90
Ночная песнь	92
Конь вороной	94
Вечер	95
Из детских снов	96
Дом Гаршина	98
Дом повешенного	100
Канон	105
Вечер. Горб на мосту	106
Шаги и окна	108

Песня	110
Колокольный звон	114
Царь-хохот	115
Если не пришла ночь	117
Стихи для любимой	128
Белая ночь	132
Помню...	139
Стихи для любимой	152
Белые ночи	154
Белая ночь	154
Белая ночь	155
Белая ночь	157
Пляска теней	158
Ноктюрн	160
Nocturno (Вариант)	162
Белые ночи	163
Мысли	166
Предвестники утра	167
Диалог	168
Море (Кохтла-Ярве)	169
Альба	171
Альба (Вариант)	172
Утро (Вариант)	173
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Роальд Мандельштам

Собрание стихотворений

© Е. Д. Томина-Мандельштам (наследница), 2006

© Е. Д. Томина-Мандельштам, Б. А. Рогинский, составление, 2006

© Б. А. Рогинский, примечания, статья, 2006

© Д. М. Давыдов, послесловие, 2006

© Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин, дизайн серии, 1997

© Издательство Ивана Лимбаха, 2006

* * *

A handwritten signature in black ink, reading "Роальд Мандельштам". The script is cursive and fluid, with the first letters of the first and last names being capitalized and prominent.

Prus

Песни о листопаде

Ночь листопада

– Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря:
Золото ночи – бураны —
Хлопьями листьев горят.

Вижу: созвездия – кисти
Неба победных знамён,
Слышу осенние листья,
Их металлический звон —

Бьёт листопад в барабаны,
Каждым листом говоря:
– Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря!

* * *

Снова осень одела сады

В драгоценный тяжёлый наряд,
И, как вестники близкой беды,
Утомлённые листья летят.

И томит непонятная грусть —
Оттого ли, что ты холодна,
Оттого ль, что за гранями туч
Золотая полоска видна.

Вечер крылья свои распростёр,
Вечер лаской коснулся ресниц,
Чтоб не видел тоскующий взор
На закат улетающих птиц.

Но туманом окутанный лес
Бредит призраком новой весны,
И хрустальную чашу небес
Переполнили синие сны.

Новая Голландия

⟨1⟩

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки.

— помнишь? —

В изгибе канала —

Призрак забытой руки.

— видишь? —

Деревья на крыши

Позднее золото льют.

В Новой Голландии

— слышишь? —

Карлики листья куют.

И, листопад принимая

В чаши своих площадей,

Город лежит, как Даная,

В золотоносном дожде.

Новая Голландия

⟨2⟩

Запах камней и металла
Острый, как волчьи клыки, —
— помнишь?
В изгибе канала
Призрак забытой руки, —
— видишь?
Деревья на крыши
Позднее золото льют,
В Новой Голландии —
— слышишь?
Карлики листья куют.

Карлы куют!
До рассвета
В сети осенних тенет
Мы собирали букеты
Тёмных ганзейских монет.

* * *

Осень.

Босая осень

В шкуре немейских львиц,

С перьями медных сосен

(Стрелы стимфальских птиц).

Ветер монеты сеет...

Осень.

Даная.

Миф...

Гривы садов лысеют,

Ржёт полунóчный лифт.

Город-рыболов (Этюд)

Дремлет,
Закинув в небо
Колокольни —
– Удочки, —
И ловятся звёзды, зелёные и синие,
И ловится луна, жёлтая, медная, лимонная.

Баллада о топорах

Полночь грузно повисла на сук,
Легче шишки поспело «вчера»,
И слетел с размахнувшихся рук
Голубой лепесток топора.

Ветром, пахнувшим золотом смол
И до сна раскалённой сосной,
У меня из-под ног унесло
Паутинку тропинки лесной...

Где-то рыжими стали костры,
Отцвели, походя на лису...
И стучали всю ночь топоры,
Отбивая секунды в лесу.

* * *

Вечерний воздух чист и гулок,
Весь город – камень и стекло.
Сквозь синий-синий переулок
На площадь небо утекло.

Бездомный кот, сухой и быстрый,
Как самый поздний листопад,
Свернув с панели каменистой,
На мой «кис-кис» влетает в сад.

Старинным золотом сверкая, —
Здесь каждый лист – луны кусок, —
Трубит октябрь, не умолкая,
В свой лунный рог.

* * *

– Эль-Дорадо!
– Эль-Дорадо!
Неужели ты не рада
Звонким жертвам листопада —
Ярким трупикам дорад?

– За ограды,
За ограды!
Рвутся мёртвые дорады.
– Эль-Дорадо!
– Эль-Дорадо!

В клетках бьётся листопад!

Мостик с грифами. Бенвенуто Челлини

Рике

Мне скучно здесь.
Я зябну на мосту,
Целуя золотистые ладони.
Роняет клён чеканную звезду.
Деревья губит медь трофейной брóни.
И даже дворник, выйдя подметать,
Своей метлой обходит почему-то,
Как будто опасаясь опознать
Осенний лист – работы Бенвенуто.

Банковский мост (Вариант)

Квадрига грифов дремлет на мосту,
Деревья губит медь осенней брѳни.
А я слежу падучую звезду,
Целуя золотистые ладони.

Квадрига грифов дремлет на мосту.

(Вариант)

Я молчаливо зябну на мосту,
Целуя золотистые ладони.
Роняет клѳн чеканную звезду:
Деревья губит медь осенних брѳней.
Какие клады ветру разметать!
(В них твой резец, как шпага, Бенвенуто).
Их даже дворник, выйдя подметать,
Своей метлой обходит почему-то.
Холодный лист, похожий на звезду,
И говорящий цветом о лимоне, —
В моих руках:
Я зябну на мосту,
Целуя золотистые ладони.

* * *

От сожжённого осенью сада,
По ночным площадям уходя,
Горький ветер играл серенаду
На стеклянной гитаре дождя.

Я хотел научиться у ветра
Ни о чём никогда не грустить,
Чтобы алые розы рассвета
Для тебя по утрам приносить,

Чтобы самые чистые краски
В небесах предрассветной поры
Превратить в несравненные сказки
И тебе посвятить, как дары.

Буриме

Себе и только, в день рождения

Радуйтесь ветру, звонкому ветру! —
Каждый находит то, что искал:
Город сегодня, город сегодня —
Тонко поющий лиловый бокал.

Ночь листопада, ночь листопада:
Каждый листок – золотой тамбурин,
Лунные рифы – в море заката,
Алые грифы – в мире глубин.

Золото в листьях, золото в листьях —
Подвиг и радость чуждому мер!
Радуйтесь ветру, звёздному ветру,
Истина – ветер, жизнь – буриме!

16 сентября 1954

Ночь листопада

*И будет ночь черней вороны,
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон.*

До утра не заперты ограды
(Всё равно их ветром разобьёт) —
Напустили в город листопады
Золотую тучу воробьёв:

И летят сверкающие листья,
Под ногами – звёздные лучи —
Пляшет ночь и пляс её неистов:
От земли небес не отличить.

Там не месяц маленьким уродом
Выпрыгнул из тьмы своих берлог,
А склонив светящуюся морду,
Полз к земле шафранный носорог.

4 октября 1954

Ночь листопада

Было падло.
Листья падали,
Ночь оплыла стеаринами.
Золотые горы падали,
Пахли – хиной, мандаринами.

Пали тени.
Пали сумерки.
Лампы – цитрусы,
Цитраты – мы.
Ночью, ветрами простуженной,
В лужах – пыл денатуратовый.
Было падло.

2 ноября 1955

* * *

Вот светлеет небо, и совсем сгорает
Синеватый месяц в голубой заре,
Тихо и красиво клёны умирают,
Золотые клёны в сером ноябре.

Мне в окно стучатся их сухие руки,
Ни о чём не просят, только – не жалеть,
И метель их листьев в безучастной скуке
От меня скрывает золотую смерть.

Вот она приходит, листья собирая,
И к другим уходит в дальние края.
Если так красиво клёны умирают, —
Как хотел бы клёном быть на свете я!

* * *

Что-то мне взгрустнулось в этот вечер —
Я зашёл в пустой и тёмный сад
Слушать, как поёт осенний ветер
И звенит усталый листопад.

Золотыми искрами мерцая,
Изредка сорвавшись и сверкнув,
Листики червонного металла
Падали на мокрую скамью...

Если б этот миг продлить на годы:
Призраки в одежде золотой,
И, взметая звонкие сугробы,
Звёздный ветер пел бы надо мной...

Вечно быть таким же одиноким,
Странные досматривать бы сны,
Что легки и пьяны, как наркотик,
Как цветы увядшие – грустны.

Осень

1

Пускай говорят соседи,
Что много уходит дров,
И прозелень лунной меди
Растёт от сырых ветров.

В тревожный и мокрый вечер
Я снова окно открыл:
– Врывайся свободно, ветер,
Исполненный птичьих крыл!

2

На ветру взорвались флаги:
Ночь вошла в блестящий сад,
Сучья, звонкие, как шпаги,
Обнажает листопад.

Пустынные улицы мглисты,
А ветер осенний певуч,
Поблѣкшие вешая листья
На туго натянутый луч.

У осени – медные луны,
А лунная зелень – горька, —
Зелѣные горькие струны
Ночами висят с потолка.

В осенние ночи не спится.
Луна заливает постель,
В глазах небылица клубится,
В окне – золотая метель.

1954

Вор

Вечер входит в сырые дворы,
Разодетый пестрей петуха,
Но не в тучи закатной поры —
В серебристые цветные меха.

Он приходит в темнеющий сад
Попросить у поникших ветвей:
— Дай мне золота ты, листопад,
На мониста подруге моей.

Только с ношей ему не уйти, —
Перерезав дорогу ему,
Я стою у него на пути, —
Все сокровища я отниму:

И монеты из жёлтой листвы,
И роскошную шубу из туч, —
Угрожающим светом блестит
Из-за пояса вырванный луч.

* * *

Клубок домов и ком заката —
И в море вянущей зари
У электрического ската
На сером теле – фонари.

Покой, безрадостный и поздний,
Сошёл в ночные города:
– Да будет ночь! – И тлеют звёзды,
– Да будет сон! – И ночь горда.

Осенний бред – в садах предснежья:
Литавры – золото – листва...
Но жизни нет, и нет надежды, —
Лишь тень горбатого моста.

Есть – будет – вечно – вечно – вечно —
Какие мёртвые слова!
Искусство – храмы – звёзды – свечи —
Её глаза – моря – овал —

Обвал ликующих бессмыслиц
И – Прометей – железный стон:
Упав с отцовской колесницы,
Вчера
 Разбился
 Фаятон.

(Вариант)

Клубок домов и ком заката —
На фоне бронзовой зари,
У электрического ската
На сером теле – фонари.

В дома, замученные астмой, —
Домой, сквозь холод мертвеца —
Галантной мышью Рихард Васми
Крадётся с чёрного крыльца.

Мои разбитые надежды —
Его упругие мясá,
Закат – покойные одежды —
Его ночные небеса.

Его чернильные кристаллы
Денатурируют весну.
– Спеши встречать её, усталый,
Не надо сна! Не верьте сну!

1954

Диалог

– Почему у вас улыбки мумий,
А глаза, как мёртвый водоём?
– Пепельные кондоры раздумий
Поселились в городе моём!

– Почему бы не скрипеть воротам?
– Некому их тронуть, выходя! —
Золотые мётлы пулемётов
Подмели народ на площадях.

* * *

Падают звёзды! —
Серебряной пеной
Падают звёзды! —
И листьям упасть.
Падают звёзды! —
Как рот джентльмена, —
Золотозуба осенняя
пасть!

Осень

1

Ночь застывала на чёрных лужах,
Вбитая в небо гвоздём луны,
Сад облетевший как будто простужен, —
Ветви в туман вметены.

Листья шуршат так странно, странно,
Холод гремящий в душу проник,
Тысячи слов, болящих, как рана,
Тщетно пытался промолвить язык.

Очень хотелось вспомнить что-то,
Или, быть может, всё забыть, —
В лунном саду – золотая дремота, —
Листья устали звенеть и жить.

2

Вы? Наконец-то! – Только поздно,

Вам не увидеть серую тень, —
Вам сквозь меня просветят звёзды,
Молча, неярко, — ведь скоро день.

Я не забыл Вас, нет, я очень,
Больше, чем прежде, Вас люблю,
Только мне странно поверить ночи, —
Что же случилось, скажите, молю.

Свет ли лунный наваял грёзы,
Сон ли горький тяжёл, как дым,
Что привело Вас под эти звёзды,
В место, любимое мной одним?

Просто взглянуть?
Понятно, —
Знакомый,
Старый поклонник, к тому же поэт...
— Здравствуйте, милая, будьте как дома.
Что Вам угодно? Автограф? Сонет?
Любите? — Знаю, мне мальчик этот
Очень знаком и очень мил, —
Вы говорите, он стал поэтом,
Пишет стихи, а про Вас забыл?

Лунные зайцы

Маскарад («Каприччио» Дворжака)

На шумный бал без маски
Явился Арлекин, —
Без грима и без маски —
Весёлый Арлекин!

Он звал меня в метели —
Уйти я не могла, —
Одни глаза синели,
Как два больших стекла.

И он согреть пытался
Застывшее лицо,
Слегка касаясь маски
Звонящим бубенцом.

Но я была стеклянной, —
И он ушёл один,
Весёлый и желанный,
Отважный Арлекин.

Декабрь 1952

Голос в темноте

Ночь вошла в окошко синее,
Видны луны фонарей,
Тени сказочные, длинные,
Тихо вышли из дверей.

– Если ночь тебя не успокоит,
Навевая тающий обман,
Если ты глухой сражён тоскою,
Если льётся кровь из свежих ран...

– Знай, что там, вдалеке,
На хрустальной реке
Дни и ночи мой город стоит,
Белой дымкой повит, —
Он на землю струит
Голубые каскады огней.

Заклинение ветра

Свет ли лунный наваял грёзы,
Сон ли горький тяжёл, как дым, —
Плачет небо, роняя звёзды,
В спящий город, в его сады.

Ночь застыла на чёрных лужах,
Тьма повисла на лунный гвоздь,
Ветер скован осенней стужей,
Ветер, ветер – желанный гость!

Бросься, ветер, в глаза каналам,
Сдуй повсюду седую пыль,
Хилым клёнам, что в ночь стонали,
Новой сказкой пригрезив быть.

Сморщи, ветер, литые волны,
Взвей полно́чи больную сонь,
Пасти комнат собой наполни, —
Дай несчастным весенний сон.

Серым людям, не ждущим счастья,
Бедным тénям, забывшим смех, —
Хохот бури, восторг ненастья!
Души слабых – одень в доспех!

Ветер, ветер! – ночная птица!
Бей в литавры снесённых крыш,
Дай нам крылья, чтоб вдаль стремиться,
В брызги-громы взрывая тишь!

25 ноября 1953

Лунные зайцы

Зелёным горячечным чадом
Вливалась в палату луна —
И мальчика, спящего рядом,
Прозрачно змеившимся ядом
Неслышно одела она.

И, в жёлтом бреду задыхаясь,
Я видел сквозь рваные сны,
Как лунные зайцы спускались
К подушке моей со стены.

В их длинные, тёплые уши
Я спрятать лицо своё рад;
Они мне шептали: «Послушай,
Кругом золотой звездопад...»

Они говорили: «Мой мальчик,
Тебя унесём мы с собой
В блестящие звёздные выюги,
В волнующий лунный прибой.

Тебя мы возьмём на рассвете
Туда, где в лиловой заре
Хвостатые бродят кометы
Меж звёзд в голубом серебре.

Там синие сполохи ярче
Играют звенящим лучом —
Летим же скорее, мой мальчик,
Не надо жалеть ни о чём».

Вишнёвая метель

Опять луна мне яд свой льёт
На смятую постель,
Опять в саду всю ночь поёт
Вишнёвая метель.

Тревожной, тёплой темнотой
Повеяло в глаза,
И в знойном мраке надо мной
Сгущается гроза...

Как звёзды близко! – В двух шагах,
Рукой могу достать,
Спустились... Все... горят в цветах,
Но руку не поднять...

А кто вложил вчера в сирень
Букет из чёрных роз?
Цветы... Цветы... Пора? Уж день?..
Нет, нет!.. Немного грёз.

И ты пришла цветы смотреть?
Но что же так темно?
Я понял: это значит смерть, —
Я это знал давно!

Но я привык встречать врагов
Лишь стоя на ногах —
Ко мне друзья спешат на зов,
И верный меч в руках.

Сверкнула яростная сталь
Звонящей полосой
Вдруг тихий голос мне сказал:
«К чему ненужный бой?»

Я вижу: девушка кладёт
Мне руку на глаза,
И поцелуй её – как лёд,
И на щеке слеза...

Мне надоела канитель,
Я меч ломаю свой:
– Звени, вишнёвая метель,
Теплей меня укрой.

Разлив

* * *

Не придёт, но, может быть, приснится,
Так светла и так же далека,

А над ней взрываются зарницы,
Проплывают дымом облака.

Озорной и опьяневший ветер
Из садов темнеющих занёс
Лепестки невиданных соцветий
В шёлковое золото волос.

Но как только ночь придёт в больницу,
Я в бреду её не узнаю —
Девочку, которая мне снится,
Золотую звёздочку мою.

А она приходит осторожно
И садится рядом на кровать,
И так хочется ей сон тревожный
От упрямых глаз моих прогнать.

Собирает бережной рукою
Лепестки неконченных поэм
И полна бессильною тоскою,
И укор в глазах глубок и нем.

Плачет надо мной, совсем погибшим,
Сброшенным в бездарнейшую грусть,
А себе я снюсь бездомным нищим
И чему-то страшному смеюсь.

И всю ночь летят куда-то птицы,

И, не зная, как она близка,
Безнадёжно уронив ресницы,
Я зову её издалека.

* * *

Конечно, в лужах есть окошко
Сквозь землю в южный небосвод;
Не зря к нему приникла кошка —
Лакая звёзды – небо пьёт!

А рядом, чуть живой от жажды,
И я, – (боясь сойти с ума) —
(Любой бы сделал точно так же!)
Она подвинулась. Сама.

Внизу мяукнул изумлённо
Хвостатый, рыжий антипод:
Два зверя, полные солёным,
Лакали небо – я и кот!

Вот счастье! – Думать ночью поздней
О царствах мира, их тщете,
Когда безоблачно звёздно
В небесно-полном животе!

Любая лужа есть окошко,
Когда желающий забыть
Придёт к нему бродячей кошкой,
Лакая звёзды, небо пить!

Тихая песня

Замолчали птицы, —
Значит, время спать.
Сон сомкнёт ресницы,
Сядет на кровать.

Ветер спит летучий.
Тихо из-за туч
Сонно и певуче
Смотрит звёздный луч.

Лунный Зайчик тоже
Спит и видит сны,
Ходят осторожно
Только лишь часы.

Без конца и края,
В свой далёкий путь,
Пусть себе шагают, —
Им нельзя уснуть.

Сон руками машет,
Сон других зовёт, —
Всё, что он покажет, —
Утром оживёт.

2 февраля 1954

* * *

На смерть Е. Гайль

Девочка читала мемуары,
На руки головку положив,
Маленькое сердце замирало,
Сдавленное тяжестью чужих

Огненных страстей и преступлений,
Кровью, обагрявшей алтари,
Перед ней рождались поколения,
Воздвигались боги и цари.

Вздрагивали худенькие плечи,
Слёзы набегали на глаза,
А в окне синел весенний вечер,
Грохотала первая гроза.

Загорались звёздные гирлянды,
И цветной гравюрой мнился сад...
Девочка листала фолианты,
В пыльной коже, в дырах, без заплат.

Маленькая, глупая, больная,

Верила в поэзию, в талант,
Плакала над Гамлетом, роняя
Толстый и тяжёлый фолиант.

Вся была зажжённой кем-то свечкой,
Вся чужими жизнями жила...
Может быть, от этого под вечер
Незаметно, тихо умерла.

Колыбельная

Сестре Ленке

Стих давно трамвайный говор,
Ходят, бродят сны,
Ночь одела спящий город
В ласковую синь.

Осторожно улыбаясь,
Прыгнул на карниз
Хитрый-хитрый лунный заяц,
Сел и смотрит вниз.

Открывать окно не надо,
Надо крепко спать —
Зайка сам придёт из сада
Что-то рассказать;

Золотистых-золотистых,
В капельках росы,
Принесёт холодных листьев,
Чудный сон приснит.

Тени

1. Уличные тени

От лунного света,
Фонарного света —
Тени:
Волюты,
Спирали,
Тенета.

2. Из окна

Погаснут лампы —
Дрогнут тени —
И ночь обрушится в лицо
Колючей готикой видений —
Картечью битых леденцов.

3. Моя тень

На лестничных маршах
Вдоль красящих стен —
(Приветствуя двери: «Сезам!») —
Сорву со стены плоскомордую тень,
А лампы – по рыбьим глазам!

У тени и глаз – одинаковый звук.
От них под ногами – одно:
Как будто случайно раздавлен паук,
Как тающий студень – пятно.

6 – 7 апреля 1957

Вечерница

Качания фонарей

Белый круг ночной эмали,
Проржавевший от бессонниц
И простудного томленья
Перламутровой луны,

Плыл, качаясь, в жёлтом ветре
И крылом летучей мыши
Затыкал глазницы дому,
Погасившему огни.

За окном – рябые лужи,
(Запах лестницы и кошек),
И серебряный булыжник
В золотистых фонарях.

А за стенкой кто-то пьяный,
В зимней шапке и калошах,
Тыкал в клавиши роялю
И смеялся.

Продавец лимонов

– Лунные лимоны!
Медные лимоны!
Падают со звоном —
покупайте их,

Рассыпайте всюду
Лунные лимоны, —
Лунно и лимонно
в комнате от них.

– Яркие лимоны!
Звонкие лимоны! —
Если вам ночами
скучно и темно,

Покупайте луны —
Лунные лимоны!
Медные лимоны! —
Золотое дно!

Nocturno (Воет Собака)

⟨1⟩

– Что с тобою,
Что с тобой?
Ты не спишь.
Сон тревожит голубой,
Ветер с крыш?

В лунных окнах ничего,
Кроме звёзд.
Отчего же, отчего
Плачешь, пёс?

Пёс полночный,
Пёс дрожит
Под рукой,
А из глаз тоска бежит
За тоской.

– Ночью льются в водоём
Ливни звёзд.
Так давай же выть вдвоём,
Скучный пёс.

На панели, у ворот —
Талый снег,
На панели, у ворот —
Человек.
В подворотне был убит Человек.

Умирает звёздный луч
На снегу.
– Поживи! – ему кричу.
– Не могу, —
Отвечает звёздный луч:
– Не могу!

Голубой я, – говорят, —
Голубой,
Звёзды синие горят
Над тобой.

Мне не сделаться острей,
Не сгореть,
Мне бы к звёздочке-сестре
Улететь.

– Тоньше, тоньше – тонкий луч
На снегу.
– Подожди! – ему кричу.
– Не могу, —
Отвечает тонкий луч:

– Не могу!

* * *

Если луна, чуть жива,
Блекнет в раме оконной —
Утро плетёт кружева —
Тени балконов;

Небо приходит ко мне,
Мысли – *его* стрекозы,
Значит, цвести войне
Алой и Белой розы.

Значит, конец фонарям,
Что им грустить, качаясь! —
Льётся на мир заря
Золотом крепкого чая.

Вечерница

О, предзакатная пленница! —
Волосы в синих ветрах —
В синей хрустальной вечернице
Кто-то сложил вечера.

Манием звёздного веера
Ветер приносит в полон
Запах морской парфюмерии
В каменный город-флакон.

Пеной из мраморных раковин
Ночь, нарождаясь, бежит, —
Маками, маками, маками, —
Розами небо дрожит.

В синей хрустальной вечернице
Яблоки бронзовых лун...
О, предзакатная пленница! —
Ночь на паркетном полу.

11 апреля 1954, Ленинград

* * *

А. Арсфьеву

Небо живот-барабан
Вспучило, медно гудя,
В красные проруби ран
Лунная пала бадья.

Цепью бегут фонари,
С цепи сорвавшийся, рыж,
Падает сгусток зари
В синь ущемления грыж.

Небу дают наркоз,
Грыжу спешат рассечь,
Мокрым глазам (от слёз)
Звёздно к утру истечь.

(Вариант)

Небо живот-барабан
Вспучило, медно гудя,
В красные проруби ран

Лунная пала бадья...

Так начинается утро:

Темой шизофрении, сомнамбулы, сна,

Мыслью рыбы, немой, как Немо;

Голос птице даёт весна.

Ночь разорвалась, как облачный кокон,

Бросив горящую куколку – день

Пёстрой торпедой вдоль пепельных окон,

В лестничный хаос ступенек и стен.

Там, где чугунное кружево кружев

Давят питоны дубовых перил,

Бесится, ярче оранжевой лужи,

Солнце, рыжее, чем стадо горилл.

Пьяный шумер в подворотне Аккада

Был бы, наверное, меньше нелеп:

В утренний час золотой клоунады

Мартовский город оглох и ослеп.

Ночь дочитала засаленный сонник,

Вырванный ветром, сбывается сон:

Стал канониром последний каноник

И канонадой – органный канон.

11 марта 1955

Диалог (sonetto)

– Наше небо – ночная фиалка,
Синевой осенившая дом, —
Вьётся полночь серебряной галкой
У моста над чугунным ребром.

Наши тучи теплы, как перины,
Эта скука – удел городам...
Листопад золотой балериной
Дни и ночи летит по садам.

Наши люди забыли о чести,
Полюбили дешёвый уют,
И, мечтая о призрачной мести,
Наши дети угрюмо растут.

– Вы сегодня совсем как бараны —
Дураки, подлецы, наркоманы.

* * *

В облаках летящим птицам
Прям и светел путь.

Опусти свои ресницы —
Время отдохнуть.
Над землёй, уставшей за день,
Тих простор небес.
Если нет душе отрады,
Я приду к тебе.
Буду тихо, осторожно
Над тобой склонясь,
Охранять от снов тревожных
До прихода дня.
Опусти скорей ресницы —
Время отдохнуть.
Лишь одним небесным птицам
Прям и светел путь.

Nocturno i

У Луны фарфоровые плечи
Под цветущим огненным зонтом,
И звезда, покинувшая вече,
К ним приникла посиневшим ртом.

Как блуждают матовые руки
По шелкам туманных кимоно! —
У Луны неведомою мукой
Тело золотистое полно...

– О, Луна! – Луна неосторожна.
В тихой страсти мертвенно-бела,
Вся дрожит серебряною дрожью,
Всё поют её колокола.

* * *

А. Арсфьеву

Я люблю по следу ночи
С боем башенных часов
Пролететь со сворой гончих

Золотисто-рыжих псов.

– Слышишь? – В лунном бездорожье
Рвут копыта лошадей
Отупевшие от дрожи
Барабаны площадей,

Пёстрый смерч ночной погони,
Ужас загнанных зверей,
Меловые миллионы
Легионов фонарей.

Пляшут тени-недотроги
В море света, море слёз,
Мёртвой хваткой у берлоги
В глотку ночи – красный пёс.

И кинжалы, как стрекозы —
Крылья высохшей руки, —
Над могилой ночи – розы,
Как собачьи языки!

11 июня 1954

Гостиный двор

Пусть Египет разграбят гиксосы
И в ущелье умрёт Леонид —
Голубые лотки с абрикосами
Ароматом наполнили дни.

Пусть смешные этрусские вазы
Чернокнижнику радуют взор:
— Унитазы! — Прощу: унитазы! —
Голубой, как невеста, фарфор!

Электрический котик! Мутоны! —
Легче трели ночных соловьёв,
Шелковисты, как руки Мадонны,
И прохладны, как бедра её!

Покупайте! Из розовой пены,
Как богиня, понятен и прост.
Абрикос, золотой, как Микены,
Розоватый, как зад, абрикос!

26 июня 1954

Веселятся ночные химеры
И скорбит обездоленный кат:
Облака – золотые галеры —
Уплывают в багровый закат...

Потушив восходящие звёзды,
Каменя при полной луне,
Небеса, как огромная роза,
Отцветая, склонились ко мне.

– Где душа бесконечно витает?
Что тревожит напрасная грусть?
Поутру обновлённого края
Я теперь никогда не проснусь:

Там, где день, утомлённый безмерно,
Забывается радостным сном,
Осторожный опустит галерник
На стеклянное небо весло.

Получившего новую веру
Не коснётся застенчивый кат —
Уплывают, качаясь, галеры
На багрово цветущий закат...

* * *

Сегодня ярким золотом
Вся комната полна,
Как будто в ней расколоты
И солнце, и луна.

Как солнечные мячики,
По всем её углам
Толпу весёлых зайчиков
Бросают зеркала;

Везде блестят лучистые,
Светлы и горячи, —
Глаза, как небо, чистые,
И ушки – как лучи:

Летят в глаза иголками,
Сверкают под ногой,
Но только солнце – в облако,
Как нет ни одного.

* * *

Когда перестанет осенний закат кровоточить
И синими станут домов покрасневшие стены,
Я окна открою в лиловую ветренность ночи,
Я в двери впущу беспокойные серые тени.

На ликах зеркал, драпированных бархатом пыли,
Удвою, утрою арабские цифры тревоги,
И в мерно поющей тоске ожидания милой
Скрипичной струной напрягутся ночные дороги.

Придёшь – и поникну, исполненный радости мгливой,
Тебе обречённый, не смея молить о пощаде —
Так в лунном саду потускневшее золото листьев
Дрожащие звёзды лучом голубым лихорадят.

* * *

Растрёвоженный вечером гулким,
Вереницами слов оплетён,
В снеговом забытии переулков
Я искал и моё забытьё.

Как и раньше, мой город прелестен,
Но в беде не сумеет помочь —
И мелодия будущей песни
Мне известна, как близкая ночь,

Что сиянием призрачным мучит.
Знаю, знаю: что скоро наскучит
И тебе эта песня и мне —
Можешь бросить листок, не читая,
Или сжечь на холодном огне
Полуночного лунного края.

* * *

Звоном песен водосточных
Ночью улицы полны,
У тебя в глазах полночных
До утра — следы луны.

Кровью ржавого коралла
Я хмелён — и мне невмочь:
«На закатных крыльях алых
Прилетела птица-ночь».

10 апреля 1954

Когда на улицах вечерних
Прохожих душит темнота,
К тебе на древних изречениях
Летит покорная мечта.

Забыв воинственные клики,
На смерть зовущие живых,
Хочу тонуть смущённым ликом
В глазах рассветной синевы.

Пуškai смеются надо мною —
Я больше всех тебя люблю,
Пока оливковой луною
Облиты тени на полу.

Спеши услышать! – Ночь проходит.
Завоют дальние рога.
Когда на огненном восходе
В змею совьются облака, —

Иным велениям покорный,
Я выйду в утренний туман —
Туда, где поднял парус чёрный
Из гроба вставший Капитан.

А всё, что было на закате,
Чем сказка древняя нова,
Пуškai хранят в твоей тетради
Мои любимые слова.

24 марта 1954

* * *

Вечер безмолвный и поздний
В синие вышел края.
— Спи, — загораются звёзды, —
Светлая радость моя.

Пусть осторожно и чутко
Сон твой хранят вечера —
Сбудется радостным утром
Всё, что хотелось вчера.

Меркнут закатные розы,
Мысли уносятся прочь, —
Самые светлые грёзы
Знает красавица-ночь.

1 мая 1954

С сердцем тёмным и ненастным
Я пришёл к Вам, ювелир, —
В этом сердце, милый мастер,
Похоронен дивный мир.

Глуше тёмных переулков,
Надоевшее давно,
В синем бархате шкатулки
Пусть лежит у Вас оно.

А когда придёт к Вам, мастер,
Та, с тревожащим лицом,
Сердце, полное ненастья,
Вы оправьте ей в кольцо.

Пусть она о том не знает,
Что не камнем дорогим —
Сердцем то кольцо сияет,
Ей подаренным другим.

В сером жемчуге несчастья —
Неразделенная жизнь.
— Эта шутка, милый мастер, —
Мой единственный каприз.

Визит к любимой в ночь листопада

На подú площадей щербатом —
Недожаренный лунный блин.
Еду в ночь на мосту горбатом —
Иноходце речных долин.

В полночь,
В мыслях о листопаде:
В узкий каменный коридор
Он пришёл в золотом наряде —
Безмятежный тореадор.

И навстречу стеклянный, старый,
С треском лопнул дверной пузырь:
Золотым обшлагом швейцара
Предлагает швейцарский сыр.

Обнажив голубую плесень,
Молча, падают этажи;
Спирохеты холодных лестниц,
Окон пёстрые витражи.

Майоликие встали звери —
Я бросаю в дубовый сон,
За железную челюсть двери,
Электрический иней-звон.

Неожиданна эта встреча!
Никому не смогли помочь
Меловые осколки речи
И чугунная тумба-ночь.

Невозможной мечте о счастье
Умереть на пороге дня:
Да! – Она, как солнце, прекрасна.
Нет! – Она не любит меня.

Вечер

Мостика профиль горбатый,
Милая, тих как всегда,
В красную дырку заката
Ветер вдевал провода.

Кто-то угрюмый и старый,
Скоро устав на земле,
Словно качался кошмаром,
Будто в трамвайной петле.

Словом, чуть-чуть синеватый,
Вечер, обычный до слёз,
Тихий, как серая вата,
Скучный, как запахи роз.

* * *

Сегодня вечер горяч не в меру,
И сны сегодня тобой полны...
Опять Флоренция ждёт холеру,
Целует облак плечо луны.

И гибнут люди, а мы с тобою,
С друзьями вместе и без рабов,
Весёлой, пёстрой шумим толпою,
Читая сказки в долине По.

И будто ты сегодня – царица,
И мне велела начать рассказ
О том, что в мире больном творится,
А я исполнить не мог приказ.

И ты сказала: ну что ж! не надо, —
Давно добыча нужна гробам, —
И мне велела подсыпать яду
В вино послушным своим друзьям.

Тянулась туча, как чёрный вымпел,
Луна послушно несла свой крест,
Я знал об яде, но чашу выпил,
И был отравлен, и сон исчез.

* * *

Вечер, вечер,
В пятнах света —
Берег неба-океана.
— У тебя, лиловый вечер, —

Шапка белого тумана.

У тебя, мой вечер поздний,
Осторожные шаги,
У тебя глаза,
Как звёзды,
Брови – радуги-дуги.

– Вечер, вечер,
В пятнах света,
В шапке белого тумана,
Не твое ль дыхание —
Ветер голубого океана?

Песни ночного города

Ноктюрн

Солнце, упавшее в море,
Медленно гаснет на дне, —
Ночью фарфоровый город
Дремлет при полной луне.

Ты никогда и не знала,
Сколько томительных грёз
Будится в водах канала
Светом мерцающих звёзд.

— В каменной лунной долине
Ночью туманы легки, —
Тихо своей Коломбине
Лунный поёт Арлекин.

Май 1954

* * *

Ветер навстречу рушится,
Ни огонька вдали,
Только над цирком кружится
Красное «Ван-Ю-Ли».

Тьма отовсюду валится —
Скрыть от себя самой
Тухлую пасть Пекторалиса,
Пахнущую чумой.

А в облаках над городом —
Красный дрожащий крик.
Вьюга взметает бороду
В надпись на небе: «Цирк».

1955

* * *

Снег на крышах белеет,
Ночь над ним лиловеет,
Плачет небо и падают звёзды,
Плачет песня, жалея,
Что струна тяжелеет.
— Песня, песня, не плачь, моя песня!

Слёзы падали в дали —

В голубой от печали
Лунный сумрак над зеленою зыбкой, —
Но... напрасно рыдали:
Не пришёл Страдивари,
Не утешил тоскующей скрипкой.

Напрягаются песни-струны,
Наливается плачем скрипка —
Лунной медью, печалью лунной
Водит вечер по пальцам гибким.
Напрягаются песни-струны.

Ноктюрн

Дымный вечер закатом изранен.
Вместе с ночью приходит тоска;
Снова город, одетый туманом, —
Золотой электрический скат.

В переулках, изученных мною,
Словно формулы школьных таблиц,
Слился сон с отсыревшей стеною,
То взлетая, то падая ниц.

И любимая, тяжело больная
Сторона привлекает меня
Не рассветом «грядущего рая»,
Но печалью прошедшего дня, —

Дня, в котором так длинны минуты,
Так безрадостно тёмны часы,
Как тяжёлые, бурые трутни,
Что погибли от жала осы.

Но, погибнув, растаяв в минувшем,
Будто Феникс в букете огней,
Говорят о навеки уснувшем,
Возрождаясь в светяющемся дне;

Будто горе – лишь сон скоротечный,
Будто мёртвые живы друзья —
И от яда облатки аптечной
Будто в космос проникнуть нельзя.

* * *

Как жёлтый глаз огромной птицы,
Добычу видя впереди,
В поникших листьях, как в ресницах,
Луна сквозь дерево глядит.

– Напрасно, ангел неумелый,
Стараться муки облегчить,
Когда, как огненные стрелы,
Пронзают лунные лучи.

Они за давнюю обиду
Несут заслуженную месть, —
Сегодня хочет тёмный идол
Вернуть потерянную честь.

И ты стараешься напрасно
Меня на встречу не пустить:
Сразив меня в бою ужасном,
Быть может, он тебя простит.

* * *

Я ли знал тебя такую
Или всё придумал сам,
Но безумною тоскою
Ты была моим глазам.

В час, когда ложились росы,
Синим пламенем горя,
У тебя в тяжёлых косах
Звёзды были, говорят.

Говорят, что вовсе небыль —
Встречи на земле:
Будто ты, оставив небо,
Не придёшь в вечерней мгле.

— О, закатная Россия,
Бред мой давний голубой,
От меня ли ты красива
Или я живу тобой?

Колокольная ночь

Так не крадутся воры —
Звонкий ступает конь!
В небо возносит город
Каменную ладонь,

Сдвинув сырые груди,
Крыши склонив ко сну:
Талая ночь, безлюдье, —
В городе ждут весну.

Вывинтив мясорубкой
В небо — распятый фиг! —
Висельник в медной юбке
Тёмный хранил язык!

Колокол медным платьем
Тёмное брюхо крыл,
Славу своих собратьев —
В плеск голубиных крыл!

— Эй, рассыпайтесь, горы,
В гром колокольных бронь!
Так не крадутся воры —
Звонкий ступает конь!

(Вариант)

Так не крадутся воры —
Звонкий ступает конь.
Это расправил город
Каменную ладонь,

Двинул гранитной грудью
И отошёл ко сну...
Талая ночь. Безлюдье.
В городе ждут весну.

— Хочешь, уйдём, знакомясь,
В тысячу разных мест, —
Белые копыта звонниц
Сломим о край небес?

Нам ли копить тревоги, —
Жить и не жить, дрожа, —
— Встанем среди дороги,
Сжав черенок ножа!..

* * *

У неловко остриженной кроны —
Абордажные крючья-суки:
Меднорыжие, с шерстью зелёной
В смертной битве сошлись пауки.

И трубач ни о чём не жалеет, —
Лунный рог – беззаботный сигнал:
– Будет ночь! – облака, тяжелея,
Улеглись в маслянистый канал.

Возлюбленной ночи

Когда тоскою предвечерья
Я залит, душу погубя, —
Целую огненные перья,
Зову тебя и жду тебя.

И мнится: мир наполнен ядом,
Но всё на свете прощено,
И всё твоим безлунным взглядом
Во имя мглы освящено:

Она близка – и всё погибло.
Заря – о прожитом рассказ,
Но есть мерцающие иглы
В глуби твоих огромных глаз.

И верю я: не надо света —
Без солнца гибнет слабый враг, —
Хочу склониться безответно,
Заслышав твой неспешный шаг.

Pasacalle

*Утонув в волнистых туманах,
Дремлет город, пылает закат —
Так мерцает на дне океана
Золотой электрический скат*

Ночь легионы
Снов выводила,
Ночь приносила петь
Медное било,
Тяжёлое било —
Лун колокольную медь.

Каменный город,
Дно океана,
Красные зори,
Синие раны, —
Спящих баюкает ветер,
Ветер за спящих в ответе.

В пугвицах¹ ночи
Звёзд перламутры,
Ветер хохочет —

¹ Так в рукописях. *Ред.*

Близится утро!

Падают листья —

Шорох оваций —

Жёлтые листья галлюцинаций.

Ночная песнь

По тучам, по звёздам в остывший закат
Вечерние птицы летят,
А городом, вставшим по пояс в луне,
Косматая полночь на чёрном коне
Едет. Едет. Едет.

Где дремлют сады, ожидая весну,
Где вечер их клонит ко сну, —
По звонкому холоду каменных плит
Не искры, не искры летят от копыт —
Звёзды. Звёзды. Звёзды.

По лунному городу полночь спешит —
И лунный в руках её щит.
И, глядя в него, засыпают дома,
И, к ним наклоняясь, уснула сама
Полночь. Полночь. Полночь.

* * *

Горбатый мост с провисшим проводом,
Как прежде, был в конце прогулки,

И так же небо дышит холодом,
И звёзды льются в переулки.

Но никогда мне не забудется
Тревожный вечер в октябре —
Я знал: сегодня что-то сбудется!
Неясно — что, неважно — где...

Всё было так же: тень от дерева,
Фонарь качался, не спеша,
И листья мокрые и серые,
С деревьев падали, шурша.

Я слушал город затихающий,
Смотрел в объятьях темноты,
Как шли на лунные ристалища
По саду чёрные коты.

Конь вороной

Веют тучи крыльями орлана
Над взошедшей ночью трын-травой, —
Стонет город матом Тамерлана
Над своей оливковой Невой.

Из хрустальных слёз концертных залов,
Золотой сонатой дребезжа,
Вороняя лошадь пробежала,
Веки луж оранжево смежа.

Искрозвонка — лошадь вороняя,
Всадник пьян настоем из часов,
Копья рук в туманы окуная
Под тяжёлой мерою весов, —

И, как я, хмельной твоей любовью,
Обезумев в звёздной синеве,
Истекает розовую кровью
На гранитных подступах к Неве.

Вечер

День уходит, как тореро, —
(Белый плащ над синим миром),
Незадачливый тореро! —
Он в бою сломал рапиру.

А мощёная арена
Звёздной полнится кадрилию:
На губах у ночи – пена,
В чёрной шее – бандерильи.

– Умиравший воитель,
Брось кровавую мулету, —
Пусть владеет победитель
Целым светом, чёрным светом!

Из детских снов

Лампа погасла в смертельной зевоте,
Лучик нырнул в темноту:
С камня на камень, с камня – в ворота,
Окнам смеясь на лету.

С камня на камень, с камня на камень —
Пятый этаж... огонёк...
Серенький мальчик – ночью, без мамы —
В жарком бреде изнемог.

Люди заснули в доме громадном,
Тикать устали часы,
Кухонный кот подбирается – жадный, —
Лижет большие усы.

Мягкие лапы, светится пламень
В злых и блудливых глазах...
С камня на камень, с камня на камень, —
Стукнули зубы в усах.

С камня на камень, с камня на камень, —
Крошку никто не спасёт:
Бедная мама, глупая мама
Ночью ушла на завод.

– Съем, как мышонка, съем, как лягушку, —
Мальчику в ухо сказал...
С камня на камень – прыг на подушку! —
Тоненький лучик упал.

С камня на камень – ну-ка, попробуй!
Скрипнула форточка: «Кр-р-рак!»
– Прочь поскорей, подобру-поздорову,
С камня на камень. – Дурак!

Лучик сердитый, лучик весёлый, —
Лучику надо гулять:
С камня на камень, с камня на камень,
С камня на камень опять.

18 февраля 1953

Дом Гаршина

С камня на камень, с камня на камень —
Крылья ночных фонарей...
Тихи и жутки, злобны и чутки
Тёмные пасти дверей...

Холод ступенек, пыль на перилах,
Стенка, решётка, пролёт...
Смерть расплескала ночные чернила, —
В пропасть тихонько зовёт...

Здесь он стоял, в бледной улыбке,
Серой тоской изнемог —
Огненно-алый, злобный и гибкий,
Проклятый Богом цветок.

.....

Красные листья перед рассветом
Дворники смыли со стен, —
Спите спокойно, в смерти поэта
Нет никаких перемен...

Спи, не тревожась, сволочь людская —
Потный и сладенький ад! —

Всякий «философ», томно лаская
Нежный и розовый зад...

С камня на камень, с камня на камень,
Стенка, решётка, пролёт...
С камня на камень, с камня на камень
Ночь потихоньку плывёт.

19 февраля 1953

Дом повешенного

Памяти В. А. Преловского

В целом мире не сыщешь белее ночей,
Мостовых не найдёшь горячей,
А в ночи безотрадной домов не найти,
Перевитых в ночные пути.

В этом доме, лишь гаснет кровавый закат, —
Осторожные тени стучат.
Там луна серебрит потолков высоту,
Там оправлен кошмар в белизну паспарту,
Там насмешливо ангел глядит из угла,
И под пылью — тоска залегла.

В эти чёрные окна, лишь гаснет заря,
Наливается свет фонаря,
А в пустой тишине — запоздалый трамвай
Да собачий серебряный лай.

Там — томление белых июньских ночей,
Словно свет навсегда потускневших очей:
В этом доме, из мрака воспрянувшем вдруг,
В этом доме повесился друг.

Этот дом надо мной, как печальный маяк:

Там канал, как большая змея,
Извивается в камень одетой струёй
И блестящей звенит чешуёй.

30 марта 1954

* * *

Затихает...
Устало чудовище!..
И бессвязно бормочет во сне
О своём потаённом сокровище —
О Великой Мещанской Весне.

Наступил, с перегнившим дыханием,
Вислогубый и потненький час,
В конвульсивном ночном содрогании
Мерно булькает выпитый квас...

— Всё в порядке...
— Постойте! А девочка?
(Покачнулся сомкнувшийся мост.)
Затрещал телефон — и с издёвочкой:
— Утонул человек. Это пост?

.....

Трупик стыл на камнях серебристых,
Далеко-далеко от людей —
Детский профиль, холодный и чистый,
Всплески ветра на невской воде.

Заметался по улицам, лужам
Полный дикого ужаса крик,
Запуская в притихшую душу
Тепловатый паучий язык...

И не вздрогнуло небо холодное,
Лишь бесшумно сомкнулась вода...
— Моя милая деточка... Гордая...
Кто обидел тебя навсегда?

— Может быть, ты увидеть сумела
То, что скрыто улыбкой друзей,
То — чему нет на свете предела,
То — чего нет на свете грязней?

Или в сказке концертного зала,
Одиноко застыв среди «тех»,
Сквозь торжественный грохот хора
Ты слышала пошленький смех?

Ковшом Медведицы отчерпнут,
Скатился с неба лунный серп.
– Как ярок рог луны ущербной,
И как велик её ущерб!

На медных досках тротуаров,
Шурша, разлётся лунный шёлк,
Пятнист, от лунного отвара,
От лихорадки лунной – жёлт.

Мой шаг, тяжёлый, как раздумье
Безглазых лбов – безлобых лиц,
На площадях давил глазуню
Из луж и ламповых яиц.

– Лети, луна! Плети свой кокон,
Седая вечность – шелкопряд!
Пушай темны глазницы окон,
И обо мне не говорят!

Мороз от ног отщиплет пальцы —
Добыча верная в ночах, —
Идут! Они – неандертальцы,
А я – копье на их плечах.

– Идут, идут – отлично спелись
Под шорох туч и ветра свист;
– Какая ночь! – Археоптерикс —
Не час полуночи навис.

Не сны – сырые груды щебня,
Где чудом – треск горящих щеп...
Пусть ярок рог луны ущербной!
Но как велик её ущерб!

* * *

– Чем я пьян? —
Какой-то лаской,
Блеском огненных очей,
Небывало-странной пляской
В снах сиреневых ночей.

В упоении бездонном
С жутким смехом всё сотру,
Страшно-чёрной беладонной
Расцветая поутру.

Канон

Как высоко вы, о звёзды, горите!
Светом холодным.
Вечно о чём-то своём говорите,
Вечно свободны!

Нашим заботам и нашим печалям —
Нашей тревоге —
В недостижимые ясные дали
Нет и дороги.

В долгую ночь не дожидаться рассвета —
Что́ вам за горе!
Вас окружило серебряным светом
Вечное море...

Птицы разносят тревожные песни —
Весть непогоды.
Вам ли услышать? – Сияйте чудесно
Годы и годы!

Вечер. Горб на мосту

Пятен оконных
Цвет малярный —
Отблеск лимонный
В чёрных перилах.

Белая выюга... —
Тихая вата
Кроет восходы,
Кроет закаты.

Вечер трамвайный —
Люди и рельсы —
Что нам до Индии,
Если есть Пенза?

* * *

Весенний минует праздник —
И снова в дремоте ночной
Я полон певучей боязни
За город, построенный мной:

Качаются стройные башни
На небе полночной поры,
И кровью закатов вчерашних
Наполнились тёмные рвы.

Колеблется призрачный город,
Как синие тени в саду...
В мерцающем лунном узор
Я жду до рассвета беду.

Шаги и окна

В зеркале окон
Утром и вечером
Бьются и никнут
Шаги человечьи.

В льющейся с неба
Синь-высоте
Окна подобны
Дум чистоте.

Падают звёзды
Вьюгою снежной
В стёкла мороза, —
В росписи нежной.

Вечером поздним
В угол медвежий
Падают слёзы —
Звёздный подснежник.

Лунные свечи
Мечутся в окнах,
Шаг человеческий —
Россыпью – в стёклах.

* * *

Навзничь падают тени.

Предметы остались нагими.

Этот город – корабль, над которым

Сомкнулась вода.

Как тенета, дороги лежат под ногами,

А совсем не идут.

– О, ночные пути в никуда!

Песня

Отсталая птица летела,
Последние силы храня...
Усталая птица летела
Навстречу весеннего дня.
Летела!
Летела!
Летела!

Цвели золотые зарницы —
От них далека-далека —
Усталая тёмная птица
Брела в снеговых облаках.

Протяжная песня звенела...
Тоскуя о милых лесах —
Печальная птица летела
В печальных чужих небесах.
Летела!
Летела!
Летела!..
Усталая птица летела.

2 ноября 1955

Пальто, забрызганное ночью,
Тяжёлый, мокрый воротник...
Лиловой тучей оторочен,
Рассвет за крышами поник.

Одно лицо простудным жаром
Горит, когда потухло всё,
Когда на улицах кошмары
Ревут, как бешеный осёл.

Когда темней, чем блеск стекольный,
Одна мечта всегда светла:
Идти к Никольской колокольне
И, молча, бить в колокола...

Пускай в ушах – дыра сквозная,
Пусть каждый дом – насквозь пробит!
– За что? – За всё!
– Зачем? – Не знаю!
Но только – бить, и бить, и бить!

Громадные, громко молчат небеса,
Восходит звезда за звездой.
Для рифмы, конечно, я выдумал сам
Твой жалобный крик, козодой!

Но что не для рифмы! Оборванный сон?
Луны серповидный обрез?
Бетонный колодец – дворовый кессон?
Кессонная злая болезнь?

Монетой, блестящей в ночной синеве —
Серебряный очерк лица,
И (только для рифмы!)
На чёрной траве – тяжёлый живот мертвеца?

– Идущие к дому!
Бегущие прочь,
Не надо на рифмы пенять! —
На ваших кроватях – костлявая ночь —
Матёрая, потная блядь!

23 сентября 1955

Цвет свернувшейся крови – флаги.
Звёздное (небо ли?) – решето.
Небо – обёрточная бумага,
Небо обветренное – желто.

Полон мир электрической желчи;
Этот металл для зубов – луна.
Этот, светлее трамвайной мелочи,
Город – (Люстра-полис) – страна.

Моторы (синхронные и асинхронные).
Тысячеваттный поспел виноград.
Это – смеющийся над влюблёнными —
Питер – Петер – и Ленин – град.

Колокольный звон

Лунный колокол бьёт неумолчно,
И в урочные видно часы,
Как танцует под куполом ночи
Золотой колокольный язык.

Отупев от страшного звона,
Обезумевший ветер кричит,
Что на небо приклеен червонец
Или бронзовый греческий щит.

И при розовом блеске зарницы
Булавами изогнутых шей
Бьют громадные медные птицы
В барабаны оглохших ушей.

Май 1954 (Звон колоколов Никольского собора)

Царь-хохот

Ночь – веселью не помеха,
За окном метель хохочет:
– Станем рыцарями смеха,
Собирайтесь все, кто хочет!

В парусах металось Эхо:
– Возносите в небо мачты!
Тонут сны в сугробах смеха.
– Смех – приюту новобрачных!

У любви – постельной крохи —
Тьма свела истомой крылья,
А во тьме кривится Хохот
В большеротом косокрылья.

За окном метель хохочет
(Ночь – веселью не помеха):
– Собирайтесь все, кто хочет,
Станем Рыцарями Смеха!

15 января 1954

* * *

Вместо ночи – безвременье,
В небе – вата и мгла,
Я умею, как древние,
Волховать до утра.

– Не восстать над кошмарами! —
Бойся знать и судить, —
Волхования старые
Уведут от беды.

Если не пришла ночь

Если ночь не приходит,
Вечерней не будет зари, —
Испугали её фонари, —
Если ночь не приходит.

Беззакатно заплачет весна,
На столе, на окне у меня, —
И не будет поющего сна,
И ни ночи не будет, ни дня.

Только белый серебряный звон,
Как трамвайная песня легка...
И придёт ископаемый слон,
Как мулету, неся облака.

* * *

Мы – под пробкой
В домах-ретортах:
– Хочешь – плавься,
А хочешь – спи!
С лунным рогом —

Чернее чёрта —
Небо взмыленное сопит.

Март окончен — кошачьи кланы
В ночь бежали, подняв хвосты.
Мыты мётлами урагана,
Листья крыш — пусты!

С лунным рогом, чернее чёрта,
Полночь бесится и хрипит:
Если душно в домах-ретортах,
Хочешь — плавься, а хочешь — спи!

1955

* * *

Облака, облака... за окошком,
Распухая на западе алом,
Проплывают, как дохлые кошки,
В плесневеющей флегме каналов...

Среди белых, пятнистых и рыжих
Полусгнивших линяющих шкурок
Закатился за дальние крыши
Догорающий вечер-окуроч.

Ископаемым городом-лесом,
Мезозоем, обуглившим воздух,
Задушило в болотном компрессе
Наши песни об утренних звёздах.

И о небе, смелее и лучше
Заставляющем с ветренной выси
Кувыркаться багровые тучи,
Как больших окровавленных рысей,

Чтобы утром сияющей стаей
Ты могла собирать их у окон
И дарить снеговым горностаям
Золотой ионический локон.

А теперь даже мокрые ветры
Словно вымерли в городе хмуром:
Облака.
Облака беспросветны; только шкуры, – раздутые шкуры.

Только ждём, не вернутся ли птицы,
И сидим, розовея макушкой,
У окна; – так сидят у бойницы
Вислозадые медные пушки.

Мы терпением набиты,
Молчаливы до поры,
Будто крысы неолита
В свалке каменных корыт.

В сердце – холод,
В мыслях – ступор,
Нет девиза на щите...
Наверху – домов уступы,
Снизу – ступы площадей.

– Встанешь? Крикнешь? —
Лишь захочешь —
Как орешья скорлупа,
Под пестом чугунной ночи
Разлетятся черепа.

Не раздуть в гремучий пламень
Угли тлеющей зари!
Мы живём, вгрызаясь в камень,
Извиваясь, как угри —

Словно крысы неолита
В свалке каменных корыт

Мы терпением набиты,
Молчаливы до поры!

* * *

Шале

Горячие тучи воняют сукном.
По городу бродит кошмар.
Угарные звёзды шипят за окном,
Вращается Каменный Шар.
Я знаю, в норе захороненный гном
Мышонком – в ковровую прель:
«В застенке пытаются зарю.
Метроном
Куёт серебристую трель».
Меня лихорадит:
– О, сердце как лёд!
О, мозга пылающий жар!
Косматое солнце по венам плывёт.
Вращается
Каменный
Шар.

10 ноября 1958

г. Пушкин

* * *

Тучи.
Моржовое лежище булок
Еле ворочает даль.
Утром ущелье – Свечной переулок,
Ночью – Дарьял, Ронсеваль.

Ночью шеломами грянутся горы.
Ветры заладят своё, —
Эти бродяги, чердачные воры,
Делят сырое бельё.

Битой жене – маскарадные гранды
Снятся, —
Изящно хотят...

.....

Гуси на Ладогу прут с Гельгоlanda.
Серые гуси летят!

* * *

Шале

– Гость тревожный, безмолвный и серый,
Кто ты, сумрачный гость? отвечай!
Пробираясь в закрытые двери,
Что ты ищешь у нас по ночам?

Кто ты, знающий тайные думы?
Как ты смеешь без спроса входить?
Отвечай, посетитель угрюмый,
Только дочку, смотри, не буди.

– Я холодный полуночный ветер
И повсюду свободно лечу,
Всё я вижу, всё знаю на свете,
А вхожу, потому что хочу!

– Тише, тише, пришелец незванный,
Осторожней со мной говори, —
Чудный сон про счастливые страны
Снится дочке с вечерней зари.

У неё от улыбки ресницы
Золотому подобны лучу,
Тише, тише...
– А что мне таиться,
Говорю, как хочу!

Тем, кто вольно гуляет по свету,
Не посмеет никто запретить!
Будь же счастлив,

Гуляй себе, ветер,
Наша девочка спит...

* * *

Ночь лелеет кафедры!
Площадь стыла.
Площадь спала.
Ночь лелеет кафедры!
Лысый мамонт – кафедрал.

* * *

Хрупкая стеклянная солома —
Сноп дождя над серой крышей дома!
Меркли звёзды, близилась заря —
Для неё ковали метрономы
Белые цепочки серебра.

Таяло,
Морозило;
Увяло неба неостывшее литьё, —
Вечер, догорая над каналом,
Медленно впадает в забытьё.

Гаснут волны в отблесках оконных,
Превращаясь в тёмное стекло.
– Сколько лодок вы качали, волны?
Сколько туч над вами пронеслось?

– Сколько звёзд сегодня распустилось
На багряном стяге облаков?
– Сколько мыслей в мире зародилось?
Сколько новых выросло цветов?

Кто сочтёт?.. И ни к чему всё это!
Ведь цветы для счёта не цветут.
Город спит – его морские ветры
Мокрыми метёлками метут.

20 марта 1954

* * *

Свежесть ветра не напомним губы,
Звёздочки – глаза.
– Пойте, пойте, водостоки-трубы,
Крыша-стрекоза!

Мчитесь, мысли! Я, не зная лени,
Вспоминаю разные слова, —

Прихотливо, как в рогах оленьих,
Мыслями ветвится голова.

Я сегодня сбрасываю путы.
Я король! – В моей лепёшке – боб!
Чей-то локон бронзовой волютой
Падает на лоб...

Духота в моём старинном хлеве,
Кто-то битый стонет за стеной,
До утра бобовой королеве
Спать одной!

Пусть ей ветер поцелует губы,
Высушит глаза.
– Пойте, пойте, водостоки-трубы,
Крыша-стрекоза!

* * *

Бьют часы.
Часы и половины —
Вечный страх разящих мимо стрел.
День прошёл тяжёлым исполином,
Жёлтый пепел вечера сгорел.

Дырами небесных подворотен
Лысые поднялись купола,
И трамвай на дальнем повороте
Прозвенел, как старая пила.
— Бьют часы!

Полёт луны шафранной,
Одиноким, сдерживать не нам!
В шкуре лунной – шкуре барабанной
Не остаться нашим письменам.

За окном, закованным в железо,
Где замок тугой, как самострел,
Бродит страх, безрадостный, как бездна, —
Вечный страх разящих мимо стрел.

27 октября 1958

Стихи для любимой

Я был осторожным и серым
Булыжником улиц кривых,
И, дни принимая на веру,
К их звонкому шагу привык.

Как свечи огромного храма,
Мерцая в пустой тишине,
Горели безмолвно и прямо
Созвездия мыслей во мне.

И были привычные думы
Как в ловких руках бумеранг,
Чертивший пору полнолуний
Закатами солнечных ран.

Но вестником дальнего горя,
Одетым в сверкающий лёд,
В привычные звёздные хоры
Твой яркий ворвался полёт.

И песне грустить недопетой,
Блуждая в чужих голосах.
— Зачем появилась комета
На тихих моих небесах?

1954

* * *

Весенние ветры
Проснулись в лесу,
Я розу рассвета
Тебе принесу, —

Огромную розу
Весёлой весны, —
В ней яркие звёзды
Холодной росы:

За утренним морем,
Где синяя мгла,
Как вешние зори,
Она расцвела.

— Вставай, чтобы вместе
Встретить зарю, —
Я алую розу
Тебе подарю.

* * *

Луна всё выше и бледней, —
Заря близка.
Легка печаль весенних дней,
Печаль легка.

О чём она? – Не знаю я.
О чём она?
– Скажи мне ты, весна моя,
Моя весна.

Блестит, горит в цветах роса
И там и тут.
Но для меня твои глаза
Одни цветут:

У моря синего на дне
Нашёл их я.
Ты радость утренних огней —
Печаль моя.

* * *

Но в небе огромные розы
Цветут, поднимаясь от сна,
Блестящие выпали росы,
И верю: вернётся весна.

Пусть плачут промокшие галки, —
Увидишь, настанет тот час:
Как будто ночные фиалки,
Распустятся звёзды для нас.

За морем проснутся зарницы, —
Растопят стеклянные льды,
И ветер, как синяя птица,
Ворвётся в сырые сады.

Блестящие выпали росы.
И верю: вернётся весна —
Я самые алые розы
Увижу в твоих волосах.

Белая ночь

На звонких улицах – тепло,
И город посинел,
Как будто был облит стеклом
И в нём окаменел.

И до утра мои пути —
Хрустальная река —
Зовут меня к тебе придти
В вечерних облаках;

Как будто те ожили дни:
Твоя открыта дверь, —
И всё, что было до весны,
Забудется теперь.

* * *

Вы так медлительны с ответом,
А я так верен клятве ждать,
Что всякий раз перед рассветом
Один ложусь в свою кровать.

Я знаю, выдадут по злобе,
Меня желая очернить,
Святую к верности способность
За неспособность изменить.

Всё ложь – тому порукой ветер!
Он знает, милая моя,
Что первый ветреник на свете
Из всех живущих – это я.

* * *

Как сотни раз, опять у Вас
В глазах я вижу слёзы,
И Вы хотите в сотый раз
Поговорить серьёзно.

– Ну что же, милая моя,
Готов я слушать вечно, —
Пусть ветрен я, пусть гадок я,
Но я не бессердечен.

И я клянусь и светом дня,
И мраком тёмной ночи:
«Кто любит более меня,
Тот вряд ли жить захочет».

Помнишь, ты приходила ко мне,
И снежинки в твоих волосах
Были ярче чудесных камней,
Ярче звёзд загорались глаза.

Помнишь, ты приходила ко мне,
За окном затихала пурга,
И мерцали в волшебном огне
На синеющих крышах снега.

Как любили остаться одни,
Как мечтали, что счастье придёт...
А теперь за окошком моим
Только зимняя выюга поёт.

И живу я надеждой одной,
Что недолгою будет беда:
Ты придёшь – и твой голос родной
Скажет мне, что теперь – навсегда!

Наверное, понял я сразу,
Когда, как сорвавшийся стон,
Хрустальными брызгами вазы
Разбился тоскующий сон,

Что ты полюбила другого,
И, — только жалея меня, —
Звонящее бросила слово
В закат отцветавшего дня.

Как будто ребёнку больному,
Готовому броситься в плач,
За каждую ложку бульона
То гномика дарят, то мяч.

Но день, как монета, истёртый
И тусклый, не смог я забыть:
Рождённый любить терракоты,
Я мрамор посмел полюбить.

17 апреля 1954

* * *

Ты совсем такая же, как прежде, —
Как мечта привычная, легка,
И летят края твоей одежды
Крыльями большого мотылька.

И опять цветами белой ночи
Рассыпая звёздные огни,
Голубой китайский колокольчик
В небесах фарфоровых звенит,

Где рассвет, склоняющий знамёна
К облакам из розовых снегов,
Как поэт, коленопреклонённый
Возле ног возлюбленной его.

8 мая 1954

* * *

Ты сегодня как звёздочка снежная
Или роза, упавшая в кровь, —
Осторожная, бледная, нежная...
И я знаю: проходит любовь.

Но ты думаешь в это мгновение, —
Предо мною, как утро, чиста, —
Будто ты для меня – неизменная.
Но соскучился я и устал.

И тревожно, как ночь эта белая,
Мной измятое, платье шуршит.
– О, запомни надежды несмелые
Уходящей в былое души.

Нет, чуть солнце, взойдя над балконами,
Искупается в синих ветрах,
Ты не вспомнишь, уже непреклонная,
Свой недавний мучительный страх.

13 мая 1954

* * *

Приходящая в день настоящий,
Не бывала так чудно ясна,
Королева снежинок блестящих
Или фея из детского сна.

Вспоминая о сказочном чуде,
Мне не верить ли в бред голубой,

Увидав, что какие-то люди
Говорили спокойно с тобой?

И, решив, что сбываются сказки,
Я понять одного лишь не мог, —
Почему задремавший от ласки
Твой оранжевый кот – без сапог.

1 июня 1954

Помню...

А. Б.

Всё изукрашено росами:
Сосны, терраса и ты;
Ночь, от туманов белёсая,
Волосы, руки, цветы.

Жёлтые фары автобуса,
Синий асфальт автострад,
Взгляды игрушечней глобуса —
Я уезжаю – и... рад!

Рад, что не любишь, а ласковой,
Сказочной стала на вид,
Рад, что шутливой гримаскою
Скроешь усталость и стыд.

28 марта 1953

Сестрорецк

* * *

Платье вымокло в тумане,

А в глазах – следы луны.
Только сердце не обманет:
Не луной глаза полны, —

В час, когда ложатся росы
И на свете мы одни,
Как цветы ночных растений,
Раскрываются они.

* * *

Я не боюсь показаться странным,
Странен, мне кажется, тот, кто, любя,
Тысячи слов, болящих, как рана,
В звучный сонет не сложил для тебя.

Или он прав, и не в этом счастье?
Или, быть может, возлюбленный твой
Должен не тратить слов понапрасну,
Как настоящий герой?

Или душа моего кумира —
Только лишь копия с нашего мира:
Мира, в котором один – чтобы петь,
Тот – открывать чудеса мирозданий,
Третий – иными делами греметь:

В общем – творить сообразно с призванием?

* * *

Звёздами далёкими играли
Ветерки в саду твоих ресниц,
Снова звуки белого рояля
За окошком испугали птиц.

И опять сказать мне захотелось,
Что тобой измучен я и пьян, —
Звонкие осколки кампанеллы
Уронив в вечерний океан.

Жаль, прозрачный незнакомый танец
Для тебя не мной написан был:
Полубог, скрипач и итальянец,
Никого на свете не любил.

Он пугал презрительной улыбкой
Женщин, преклонявшихся пред ним,
И ему признательная скрипка
Радужные сеяла огни.

А моя заброшенная муза
Верности не знала никогда,

И за это стих прескучный грузен,
И за то я пла́чу иногда.

Я грущу, но что тебе за дело?
Ты светла, тебе чужда печаль, —
Колокольчик быстрой кампанеллы
Звóнок, как надтреснутый хрусталь.

* * *

Не первый я люблю на свете,
Не первый слышу я в ответ,
Что может девушка ответить
На посвящённый ей сонет.

Ей стих размеренный приятен,
Певуч, изыскан и остёр,
Но точно так же непонятен,
Как мне — языческий костёр.

Что ей, с терпением и тактом
Проникшей в жизнь из мира книг,
Мой слишком, может быть, абстрактный
И слишком скованный язык,

Когда о призрачных обетах

Я говорю ей среди дня
И о героях с правом veto, —
Поймёт ли девушка меня?

Поверит ли, что в поединке
Я ранен был и весь в крови,
И даст ли в сердце таять льдинкам
В огне неведомой любви?..

А я, зовущийся коротким,
Но гордым именем – поэт,
Смогу ли вежливо и кротко
Из уст её услышать «нет»?

Июнь 1953

* * *

На каменном дне океана,
Вдали от знакомых людей,
Не знал я, залитый туманом
В тарелках ночных площадей,

Что скука моих одиночеств,
Испепелив сердце моё,
Ещё смертоносней отточит
Твоё золотое копье.

Не знал я, тебе не поверив,
Своей непокорный судьбе,
Что иней на звонких деревьях —
Лишь слёзы мои о тебе,

Что, спутницы тёмной печали,
Тобою лишь песни звучали.

30 июня 1953

* * *

Весна на улице давно,
И солнце по утрам
Звенит лучом в моё окно,
Открытое ветрам.

Глазами солнечных зеркал
Весь город освещён,
И голова моя – бокал,
Невыпитый ещё.

И я отныне – навсегда
Пою лишь об одном,
О том, как плещется вода,
Синея под окном,

И что стеклянная река,
Как колокол, звонка.

Апрель 1954

* * *

Изнемогла под тяжестью метафор
И гнётом превосходных степеней
Моя любовь, прекрасней древних амфор, —
Вся скорбь земли не превзойдёт моей!

Торжественная скука песнопений
Музейной рамой тяжко налегла, —
Моя любовь померкла от сравнений,
Как от туманов меркнул зеркала.

* * *

В глубинах прозрачного взора
Хрустальная нота молчит, —
Таковыми бывают озёра
На Севере,
В летней ночи.

Две ноты над озером зыбким:
Я пел только радость и страх,
Подобно тоскующей скрипке
В её неумелых руках.

14 февраля 1960

* * *

Я в цветок тебя превращу.
– Хочешь? – Смотри.
– Видишь? Уже не струны
Волосы твои, —
(Волосы – струны – листья...)

Глаза уже не озёра —
Долины, полянки, —
Хочешь, в них расцветут
Ночные фиалки?

Руки уже не крылья —
Стебли —
Качаясь,
Белым стихом ладони
Их расцветают.

Ты не жале́й,
Я не жалею, —
Белый цветок
Утро согреет...

12 июня 1954

* * *

С невозможной мечтой о счастье
Я стою на пороге дня,
Где она, как солнце, прекрасна,
Но она... не любит меня.

Пусть мечтами ритмов могучих
Мне весь мир легко покорить —
За бесценный жемчуг созвучий
Лишь её одну не купить.

О, суровы любви законы!
Изменить мне их не дано —
За оградой её балкона,
Знаю, мне умереть суждено.

* * *

Я не знал, отчего проснулся;
Но печаль о тебе легка,
Как над миром стеклянных улиц —
Розоватые облака.

Мысли кружатся, тают, тонут,
Так прозрачны и так умны,
Как узорная тень балкона
От летящей в окне луны.

И не надо мне лучшей жизни,
Лучшей сказки не надо мне:
В переулке моём – булыжник, —
Будто маки в полях Монэ.

* * *

О тебе тосковать мне отрадно,
Только знаю, и знаю давно:
Душу Индии с телом Эллады
Сочетать никому не дано.

Дымно-белой метельной землёю
Стонет звёздное золото выюг, —
Не души меня смуглой петлёю
Из прохладно-тоскующих рук.

Неужели в беззвёздной дороге
Метеором тревожным гореть
Суждено ироническим Богом,
Чтоб в объятьях твоих умереть?

* * *

Как прекрасны сады, умирая!
Только птицы там гнёзд не совыют, —
Там усталые ветры летают
И холодные песни поют:

Что любви не бывать без предела,
Без конца — никогда не бывать,
Что она никогда не умела,
Умирая, на помощь не звать...

Ах, когда бы она уходила
При расцвете своей красоты, —
Как бы смог я не помнить о милой! —
Только это не знала бы ты...

* * *

Я прошу лишь одного
У звезды моей далёкой:
Мне не надо ничего,
Кроме сумерек глубоких;

Кроме сонного канала
С осторожным скрипом дверцы;
Кроме той, что подобрала
Чуть трепещущее сердце.

* * *

Любовь. Легенда. Мелодрама.
Несчастней всех кавдорский тан.
Острее всех ехидный Брама,
Нежней – тоскующий Тристан.

Любовь мертва, она несчастна.
Была – несчастна и жива,
Легка, стыдлива и прекрасна,
И непонятна, как слова.

Она – Валькирия, Лаура,
Сирена. Облако. Цветы.
Она мертва. Приходишь ты —
Умней блистательного Мура.

8 июля 1954

Стихи для любимой

Если день встаёт над миром,
Тишину гудком встревожив,
Я могу сказать любимой:
– В мире нет тебя дороже.

– У тебя в глазах рассветный
К облакам взнесённый город.
Я люблю. Поёт мне ветер
О тебе, влюблённой в город.

Но когда б мне предложили
Лишь с тобой вдвоём остаться,
В целом мире, лунном мире
Не нашлось бы нас несчастней.

Потому что только в этом
Дне, как солнце, раскалённом
Я умею быть поэтом
И героем, и влюблённым.

* * *

Как два клинка, скрестились взоры,
Сгорела искра, как слеза...
– О, предрассветные озёра —
Твои тревожные глаза!
Моя шагреневая кожа —
Румянец милого лица —
Увяло (это ли тревожит?)
Цветком в руках у торговца —
Но – сын и внук распявших Бога —
Я призову Его в беде:
И другу – жизнь,
И смерть – тревоге
Найду в стихах – живой воде.

Белые ночи

Белая ночь

Улетает солнечная птица,
Бросив ветру пепел облаков.
Полночь мая – белая синица,
Майский город – храм без потолков.

– Отцвести, как яблоко, и мне бы,
Улететь, куда глядят глаза,
Раз упала – брошенная небом —
Золотоволосая звезда!

Раз она хотела быть холодной,
На луну предутренних озёр...
– Вой, поэт! Ты тоже – пёс голодный! —
В брюхе – лёд, а в голове – костёр!

1954

Белая ночь

Чуть небо становится блёклым,
И тени на крыши сойдут, —
Каналы, как тёплые стёкла,
В объятиях город сожмут.

И бродит над куполом ночи
Луна голубая, тиха,
Как будто невеста, и хочет
Найти своего жениха.

Июнь 1954

* * *

Ночь окончила половину,
И опять похожа луна
На голубого дельфина
И голый лоб валуна.

Уже лиловели листья,
Как листья библиотек, —
И город был аметистом
В оправе из серых рек.

Был дом нелепой окраски,
Я спал у него внутри
И видел детскую сказку
Об алом цветке зари:

Что море звезду качало,
И след её был – дугой,
Что где-то струна звучала,
И лук её был тугой,

Что лопнул в жару зарницы
Весь мир, как листок слюды,
И трещины – в милых лицах,
Прозрачных и голубых,

Что где-то бьёт половину,
А в окнах моих луна
Летит голубым дельфином
На голый лоб валуна.

Белая ночь

Ночью небо чуть-чуть побледнеет,
И лиловая дымка в садах
Заклубится и снова исчезнет,
Словно облако в тёплых ветрах.

И о чём-то далёком-далёком
Напевает гранитный прибой... —
О какой-то звезде светлоокой,
Об улыбке её золотой.

Всё затихло, на улицах пусто,
И погас серебристый фонтан,
До утра одному слишком грустно;
Слишком много навеял туман.

— Приходи, покажу, как играют
Ночью звёзды с зелёной волной,
Расскажу, как горит, не сгорая,
В сердце пламень, зажжённый тобой.

Я спою тебе новую песню —
В мире лучше её не найти, —
В ней слова всех на свете чудесней,
И они для тебя — приходи!

Пляска теней

Памяти В. Преловского

Пляшут ночью лунною
Посреди дороги
Тихие и умные
Тени-недотроги.

Все слова тревожные
Зáлиты вином,
Тени осторожные
Никнут под окном.

Плачущей берёзою,
Звонкою сосной,
Осенью ли звёздною,
Ранней ли весной —

Пеленой повитое
Плясок-кружесов,
Всё давно забытое
Оживает вновь.

В сумерки неверные
Не грустить нельзя:
Снами незабвенными

Мёртвые друзья —

Тихие и умные

Тени-недотроги

Пляшут ночью лунною

Посреди дороги.

Ноктюрн

Небо закатное пусто,
Ветром тревожным звеня.
— О, как томительно-грустен
Свет уходящего дня!

Ветви садов молчаливых
Никнут в лучах фонарей,
Шепчут, склоняясь тоскливо:
— Ночь, приходи поскорей!

— Ночь, приходи поскорее,
Тихо спустись надо мной, —
Люди, и птицы, и звери
Грезят тобою давно.

Тенью от ласковых крыльев
Милой моей принеси
Синие звёздные ливни,
Синие звёздные сны.

Пусть для неё до рассвета
Плавают в лунном окне
Кружевом звёздного света
Светлые сны обо мне.

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литьё,
Вечер, догорая у каналов,
Медленно впадает в забытьё.

Ярче глаз под спущенным забралом
Сквозь ограды блещет Листопад —
Ночь идёт, как мамонт Гасдрубала, —
Звездоносный, плещется наряд.

Что молчат испуганные птицы?
Чьи лучи скрестились над водой?
— В дымном небе плавают зарницы,
Третий Рим застыл перед бедой.

Спят одни, другие, словно тени,
Позабыли прежние пути
И стоят,
Шафренные колени
В золотые лужи опустив.

Nocturno (Вариант)

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литьё:
Вечер,
Догорая за каналом,
Медленно впадает в забытё.
Ни звезды,
Ни облака,
Ни звука —
В бледном, как страдание, окне,
Вытянув тоскующие руки,
Колокольни бредят о луне.

Белые ночи

Ты, звенящий майский город,
Скерцо шпилей и балконов,
Брошен яблоком раздора
В край вечерних беззаконий.

Облака цветущим плющем
Вьются в небе потемневшем —
И застыл стеклом поющим
Воздух твой окаменевший.

А закат весенне-алый
Облетает, будто роза, —
И летят в глаза каналов
Облака, грачи и звёзды.

* * *

Бел. Бел.
Даже слишком изысканно бел
Мел колоколен.
Мел. Мел.
Пересыпанный звёздами мел,

Лунной ночью изнеженный мел —
Город сказочно болен.

Да. Да.
Колья брошены: кóл на кóл.
Сухо щёлкают: кóл о кóл.
Глухо замер: кол у кола
Около кóлокола.

Нет. Нет.
Руки скрещены: крест на крёст.
Медно-огненный день воскрес,
Просыпаться садам окрест.

* * *

Вечно вдвоём.
Только вдвоём.
И не забыть никогда:
В сердце моём, —
В сердце моём, —
Колокол изо льда!

Нет!
А пора...
— Звон топора,

Острый, как алый крик,
В колокола
Бей до утра,
Выбей из них язык!

— Мел колоколен —
Бел, как скала, —
Рвись из пустых глазниц!
В жёлто-зелёные колокола —
Призраки медных птиц!

Мысли

Квадригой летучей
Сомнений недобрых
По лунному небу плывут:
То хлынут, как тучи,
То сгинут, как воры,
И снова, и снова идут.

Предвестники утра

Я хочу научиться у ветра
Никогда ни о чём не грустить,
Чтобы алую розу рассвета
Для тебя по утрам приносить.

И ещё я хочу (хоть на деле
Никому научиться нельзя)
У холодных и звёздных метелей —
Позабыть о погибших друзьях.

Петь — у вас, предрассветные птицы,
Умирать — у тебя, Скорпион,
Только лучше всего научиться
Не любить, если буду влюблён.

Диалог

– Что это? Лай ли собачий,
Птиц ли охотничьих клёкот?

– Кто-то над нами заплачет,
Кто-то придёт издалёка!

– Взвоют ли дальние трубы?
– Воют!.. Но только впустую,
Умерших в чёрные губы
Белая ночь поцелует.

– Настежь распахнуты двери!

– Близится дымное «завтра»!

– Что там?

– Толпятся деревья!

⟨Третий⟩: – Любятся бронтозавры!

Море (Кохтла-Ярве)

— Посмотри: в предрассветную бурю
Море розовый пляшет балет, —
И откуда у осени хмурой
Этот ветренный яркий рассвет?!

Пусть танцуют и пенятся волны, —
Всё равно неподвижна земля;
Лишь в пути веселей пароходам,
Рулевым не заснуть до утра.

Август 1952

* * *

Весь квартал проветрен и простужен.
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Золотые цепи фонарей.

Ни звезды.
Ни облака.
Ни звука.
Из-за крыш, похожих на стога,

Вознеслись тоскующие руки —
Колокольни молят о богах.

Я встречаю древними стихами
Солнца ослепительный приход —
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

Альба

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Опустив в лазоревые лужи
Золотые луны фонарей.

Вознося тоскующие руки
Из-за крыш, похожих на стога,
Сохнут мачты с парусом в разлуке,
Колокольни молят о богах.

– За печальный час твоей прохлады,
Эос, розоперстая заря,
Я бросаю радостные клады
Фонарей, как нитку янтаря,

И встречаю новыми стихами
Солнца ослепительный восход —
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

Альба (Вариант)

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Головы усталых фонарей.

А заря едва-едва колышет
Крыльями на сером полотне,
Осторожно вписывая крыши
В тихо голубеющем окне.

И, как щит, невиданный дотоле,
В гербе тех, что шли издалека,
Зацветает пепельное поле
В золотые розы-облака.

Огненными лисьими мехами
Затянув стеклянный небосвод,
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

Утро (Вариант)

Весь квартал проветрен и простужен, Мокрый город
бредит о заре,

Уронив в лазоревые лужи

Матовые луны фонарей.

– Слушайте, как мерно дышит море!

– Посмотрите: утро впереди! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.